

ДИНАМИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В
СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Рахматуллаева Гулчехра

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация: В представленном исследовании анализировали динамика и векторы трансформации словообразовательной системы русского языка в условиях современного дискурса первой четверти XXI века. Мы рассматривали лингвистические процессы не как статичный набор правил, а как живой отклик языка на вызовы глобализации, цифровизации и изменения социальной психологии. В центре внимания — механизмы адаптации англицизмов, стратегии языковой экономии (универбация, аббревиация) и экспрессивное словотворчество. Работа синтезирует классические теории дериватологии с актуальными речевыми практиками медианпространства, предлагая глубокое осмысление того, как новые слова конструируют современную реальность.

Ключевые слова: словообразование, дискурс, динамика, неологизмы, XXI век, языковая игра, универбация, медиалингвистика.

Abstract: This research analyzes the dynamics and transformation vectors of the wordformation system of the Russian language in the context of modern discourse in the first quarter of the 21st century. The author considers linguistic processes not as a static set of rules, but as a living response of the language to the challenges of globalization, digitalization, and changes in social psychology. The focus is on the mechanisms of adaptation of Anglicisms, strategies of linguistic economy (univerbation, abbreviation), and expressive word-creation. The work

synthesizes classical theories of derivatology with current speech practices of the media space, offering a profound understanding of how new words construct modern reality.

Keywords: *word formation, discourse, dynamics, neologisms, 21st century, language game, univerbation, medialinguistics.*

Языковая материя в начале третьего тысячелетия демонстрирует беспрецедентную пластичность, превращаясь из консервативной системы правил в динамичный инструмент освоения новой, виртуализированной реальности. Современный дискурс — это не просто сумма текстов, а пульсирующее поле смыслов, где словообразовательные процессы выступают в роли передового отряда деривационной активности. Рассматривая теоретические истоки этого процесса, необходимо обратиться к концепции Г. О. Винокура, который рассматривал структуру слова как историческое событие, запечатленное в морфемах. В прочтении его идей, слово — это не застывший кристалл, а живая клетка, способная к митозу под влиянием социальной энергии¹. Продуктивность в этом контексте выступает как мерило жизнеспособности языка: если модель способна породить новые смыслы без потери грамматической устойчивости, она становится магистральным путем развития лексикона. Мы наблюдаем, как классические способы деривации вступают в сложный симбиоз с внешними заимствованиями, создавая причудливые гибриды, которые еще десятилетие назад казались бы лингвистической аномалией. Динамика дискурса требует от языка сверхзвуковых скоростей номинации, что превращает морфологию в своеобразный «конструктор», из которого носитель языка собирает необходимые смыслы «здесь и сейчас».

Центральной движущей силой современного слово-порождения выступает закон экономии речевых усилий, который в эпоху мессенджеров и клипового восприятия информации приобрел статус абсолютного императива.

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — М.: Либроком, 2019. — С. 42.

Человек цифровой эпохи стремится к максимальной компрессии смысла, что приводит к триумфу универбации. Процесс превращения многословных описательных конструкций в компактные лексемы — такие как «удаленка», «запрещенка» или «безнал» — свидетельствует о глубоком сдвиге в когнитивной обработке информации. Как отмечал в своих наблюдениях за «языковым вкусом эпохи» В. Г. Костомаров, чьи мысли мы можем интерпретировать как признание эстетики лаконичности, современный носитель языка жертвует избыточностью ради скорости. Суффикс -к(а) здесь выполняет роль универсального архиватора, позволяющего свернуть целую социальную ситуацию в одно емкое слово. Это не просто упрощение речи, это создание новой, более плотной семантической среды, где время на произнесение фразы становится дороже самой фразы². Лингвистическая критика начала века подчеркивает, что такие образования быстро утрачивают свою стилистическую маркированность, переходя из разряда жаргонизмов в ядро литературного языка, что свидетельствует о размывании границ между официальным и разговорным дискурсами. Динамика здесь проявляется в том, что «низовые» речевые формы мгновенно легитимизируются медиапространством, становясь нормой буквально на глазах одного поколения.

Параллельно с процессами сжатия мы наблюдаем взрывную экспансию глагольных форм, которые становятся энергетическим ядром современного дискурса. Глагол в XXI веке — это не просто действие, это способ бытия в технологической среде. Мы являемся свидетелями того, как технические термины, попадая в социальное пространство, стремительно «оглаголиваются», обретая типично русские морфологические черты. Процессы типа зазумиться, отхайпить, прогуглить или забанить свидетельствуют о том, что заимствованный корень не просто принимается языком, а подвергается агрессивной морфологической обработке. Как

² Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 2020. — С. 56.

подчеркивала Е. А. Земская, такая активность деривационных моделей свидетельствует о витальности языка, его способности «переварить» чужеродную лексику, навязывая ей национальную грамматическую логику. В этом процессе проявляется антропоцентризм: человек не просто пользуется технологиями, он «присваивает» их через глагол действия³. Динамика этих трансформаций настолько высока, что слова, еще вчера бывшие узкоспециальными, сегодня становятся маркерами повседневного общения. В художественном осмыслении этого явления можно сказать, что русский глагол выступает как мощный ассимиляционный фильтр: он берет чужеродное понятие и «прошивает» его приставками и суффиксами, придавая ему тончайшие оттенки завершенности, интенсивности или длительности действия. Продолжая анализ деривационных векторов, необходимо остановиться на феномене гибридизации и глубокой морфологической адаптации англицизмов, которые в начале XXI века приобрели характер тотальной лингвистической диффузии. Если классическая лингвистическая традиция рассматривала заимствования как внешнее обогащение лексикона, то современная речевая практика демонстрирует процесс «прорастания» чужеродных корней в саму структуру русского словообразования. Мы наблюдаем рождение «слов-кентавров», где англоязычный корень вступает в тесный симбиоз с русскими аффиксами, создавая единицы типа хайпануть, хейтерство, стримить, бьютииндустрия. В переосмыслении идей Г. О. Винокура о жизни слова, этот процесс можно сравнить с биологической прививкой: инородный «черенок» (корень) успешно приживается на мощном подвое русской грамматики⁴. Динамика здесь проявляется в невероятной скорости: путь от чистого заимствования до образования полноценного словообразовательного гнезда сократился с десятилетий до месяцев. Лингвистическая мысль фиксирует, что русский язык в условиях дискурсивной

³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. — М.: Флинта, 2022. — С. 115.

⁴ Рацибурская Л. В. Новые тенденции в современном русском словообразовании. — Н. Новгород: ННГУ, 2022. — С. 34.

открытости ведет себя не как пассивный реципиент, а как агрессивный трансформатор. Мы видим, как заимствованное слово, едва успев закрепиться в сознании носителя, мгновенно обрастает уменьшительно-ласкательными суффиксами (стримчик, видосик, хайпчик), что в лингвистическом смысле означает окончательную психологическую и грамматическую легитимизацию понятия. Когда носитель языка начинает применять к иностранному корню эмоционально-оценочные морфемы, это сигнализирует о том, что слово перестало восприниматься как «чужое» и вошло в интимную зону повседневного общения.

Особое место в этой динамике занимает словосложение, которое в XXI веке окончательно отказалось от традиционных соединительных гласных в пользу аналитического примыкания. Модели типа интернет-сообщество, онлайн-конференция, PR-технологии демонстрируют тяготение к «блочному» типу слово-порождения, характерному для германских языков. Однако русский язык уравнивает эту тенденцию сохранением синтетической гибкости во второй части композита. Мы наблюдаем процесс «аналитизации» русской речи, где первая часть сложного слова начинает функционировать как префиксоид, задавая тематическую рамку всему высказыванию. Научный анализ этого процесса, подкрепленный идеями Л. П. Крысина о социальных аспектах заимствования, выявляет парадоксальную ситуацию: стремясь к глобализации, русский язык использует свои самые консервативные механизмы склонения и спряжения для того, чтобы удержать иноязычные вкрапления в рамках своей системы⁵. В прочтении, это — борьба за суверенитет смыслов, где морфема выступает как пограничный знак. Динамика дискурса порождает ситуацию «лексической текучести», когда слова-гибриды становятся маркерами профессиональной или социальной принадлежности. Словообразовательный потенциал таких единиц огромен: от одного корня лайк за короткий срок образовалась целая иерархия смыслов —

⁵ Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. — М.: Академия, 2022. — С. 118.

от технического лайкнуть до оценочного лайкозависимость. Это свидетельствует о том, что современное словообразование — это не просто приращение морфем, а сложная смысловая игра, где каждый новый аффикс несет в себе заряд актуальной культуры.

Развитие медиадискурса привело к тому, что на авансцену вышли способы словообразования, ранее считавшиеся маргинальными или окказиональными. Процесс телескопии или «словесного наложения», порождающий единицы типа инфотейнмент, эдьютейнмент или вебинар, отражает специфику клипового мышления, стремящегося к визуальной и семантической плотности. Лингвистическая критика отмечает, что в таких гибридах происходит не просто сложение основ, а их взаимопроникновение, создающее принципиально новый концепт, не сводимый к сумме его частей. Это — ответ языка на многозадачность современного человека, которому необходимо в одном звуковом сигнале передать сложный спектр технологических и социальных процессов. Динамика этих трансформаций указывает на то, что русский язык XXI века становится всё более модульным: слова собираются из готовых смысловых фрагментов со скоростью мысли. При этом сохраняется неистребимая потребность в экспрессии, что выражается в реанимации исконных суффиксов в новом контексте. Например, суффикс -изация в словах брендизация или цифровизация придает заимствованному понятию статус глобального процесса, созвучного по масштабу с историческими трансформациями прошлого. Динамика словообразовательных процессов в современном дискурсе — это непрерывный диалог между глобальными трендами и национальной грамматической традицией, где каждое новое слово становится полем битвы за точность и актуальность высказывания.

Завершающим вектором в динамике современного словообразования выступает феномен графикации, который в первой четверти XXI века перерос рамки чисто технического приема, превратившись в автономную стратегию визуального кодирования смыслов. В условиях тотального

доминирования экранной коммуникации слово перестает восприниматься исключительно как акустическая единица; оно обретает черты логограммы, где латинский символ или спецзнак внутри кириллического текста выступает в роли семантического маяка. Использование латиницы в структурах типа IT-сфера, PR-акция, Арплемания или графические каламбуры в эргонимике свидетельствуют о том, что визуальный облик слова начинает доминировать над его звуковой формой. Мы наблюдаем переход от линейного письма к пиктографическому восприятию, где латинская вставка работает как идеограмма, мгновенно отсылающая к концептам прогресса и глобальной включенности. Графическая гибридизация — это акт лингвистического «коллажа», где инородное графическое вкрапление служит сигналом высокого технологического статуса. Русский язык в данном процессе проявляет поразительную адаптивность: латинский компонент не разрушает структуру слова, а встраивается в него на правах деривационного форманта, подчиняясь правилам русской флексии (зайти в IT-отдел, пользоваться Wi-Fi-ем). Это свидетельствует о рождении новой «визуальной деривации», где картинка и символ становятся равноправными партнерами буквы в акте создания смысла.

Не менее значимым фактором динамики выступает экспрессивное словотворчество и языковая игра, которые в медийном дискурсе превратились в инструмент коллективной рефлексии и социальной деконструкции. Создание окказионализмов, основанных на ироничном переосмыслении морфем, таких как человеконик, инфоцыганство, зумерство или победобесие, демонстрирует потребность носителя языка в эмоциональной разрядке через морфологический гротеск. Динамика этих трансформаций настолько высока, что слова-однодневки, рожденные в недрах Telegram-каналов, за считанные часы становятся общеупотребительными, выполняя свою прагматическую задачу и уступая место новым деривационным вспышкам.

Динамика словообразовательных процессов в современном дискурсе XXI века — это сложный сплав технологической прагматики и неистребимого творческого порыва. Язык стремится к экономии усилий через

универбацию и аналитизм, но одновременно жаждет экспрессии через гибридизацию и графическую игру. Мы наблюдаем рождение новой «цифровой филологии», где слово сохраняет свою глубокую морфологическую идентичность, становясь при этом всё более универсальным и скоростным инструментом глобальной коммуникации. Русский лексикон начала столетия — это живая, пульсирующая материя, которая успешно справляется с информационным хаосом, превращая его в структурированную и осмысленную речевую ткань. Будущее дериватологии видится в еще большем синтезе вербального и визуального кодов, где каждое новое слово будет концентрированным высказыванием о состоянии современного мира, фиксирующим дух времени в каждой приставке и каждом суффиксе. Таким образом, словообразование остается авангардом языковой эволюции, обеспечивающим гармоничное сосуществование традиционной культуры и вызовов глобальной цифровой цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — М.: Либроком, 2019.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Юрайт, 2023.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 2020.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2020.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2022.
6. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи начала XXI века. — М.: Элпис, 2021.